

Далёкое – близкое

ВАЛЕРИЙ ТИХОНОВ

Поэт, публицист

Родился в 1961 году в г. Белореченске Луганской области. Окончил филологический факультет Барнаульского пединститута (Алтайский край). Работал в школе учителем русского языка и литературы. В литературе и журналистике с 1985 года. Автор четырёх поэтических и четырёх публицистических книг. Участник двух всероссийских совещаний молодых писателей (Москва, 1994 г., Рязань, 1988 г.). С 1992 года учредил, редактирует, издаёт книжные серии в литературно-просветительском фонде «Август». Член Союза писателей России, лауреат краевых премий им. В. М. Шукшина (2003), В. В. Бианки (2007), Губернаторской — в номинации «Просветительская деятельность» (2008) и др. В настоящее время — главный редактор литературно-художественного и краеведческого журнала «Барнаул».

КЕДРОВАЯ КРЕПОСТЬ

1

Трехэтажная библиотека в центре села Овсянка многие лета будет подпитывать ищущих добра, мудрости и справедливости, напоминая всем об инициаторе и радете ее возведения — Викторе Астафьеве. Строительство этого здания он начал на свои деньги. Но наше родное правительство (тогда во главе с Егором Гайдаром) обрушило вклады россиян. Среди ограбленных оказался и Астафьев...

Со слов моего доброго знакомого — дивногорского историка Игоря Федорова — дело не встало. Виктор Петрович погоревал-погоревал да и пригласил к себе в гости... красноярских бизнесменов. В самом начале этой встречи он сказал им: «Я — Астафьев. Вы меня знаете?» — «Конечно, Виктор Петрович!» — «Вот я и прошу помочь Овсянке — надо достроить библиотеку, а то у меня деньги кончились». И деловые люди помогли. Библиотека была благополучно достроена. Ее торжественное открытие совместили с официальной церемонией начала первых «Литературных встреч», и случилось это все в августе 1996 года. А позднее у этих стен открывались и все последующие «Литературные встречи»...

Я вошел во двор астафьевского дома в сентябре двухтысячного года вместе с большой группой участников очередных — уже третьих — «Литературных встреч». Сразу после официального открытия конференции, которое торжественно прошло у стен овсянковской библиотеки, мы все, не стовариваясь, пошли за ним. А Виктор Петрович искренне удивлялся, мол, чего мы за ним увязались — подождали бы, да и все, а он сейчас же и вернется — брюки ему переодеть надо, потому что надел не те, которые Ма-

рия Семеновна приготовила. Но мы дошли до дома и всей толпой вошли во двор. Тогда-то я и услышал от Виктора Петровича: «А вот кедр, посаженный мной в год возвращения на родину. Нынче, в сентябре, как раз двадцать лет моему обоснованию здесь и этому кедру...»

Гости Астафьева присаживались за его стол во дворе, пробовали на вкус ягоды ранета и калины, трогали ствол кедра... Кто-то вспомнил, что кедр — одно из немногих деревьев, упоминающихся в Библии...

2

Вспоминаю «овсянковские» дни 1998 года. Между собой многие стали называть Астафьева — «старик», «Петрович», «дядя Витя». Он стал нам всем настолько близким человеком, что иначе и не мыслилось.

Помнится случай в ресторане гостиницы «Бирюса», что на берегу Енисея. В зале ресторана сидели за ужином наши коллеги — участники «Литературных встреч». Ну и мы с другом зашли в зал и сели за столик. Только придвинули к себе тарелки, как в зал вошел... Виктор Петрович: «Ну-ка, ну-ка, разведаяю, как вас кормят-то...» Надкусил котлетку: «Хреноваستنенько кормят. Завтра потолкую кое с кем об этом... А что же, мы так и будем „на сухую“ сидеть? Я сейчас дам...» — и он полез в карман пиджака. Общий протестующий шум остановил его попытку, все и сами были рады угостить Виктора Петровича, а главное, посидеть и поговорить с ним, что не каждому и не всякий раз выпадает.

В один миг я выскочил из гостиницы и влетел в магазин под вывеской «Продукты» (он же рядом!) и также в один миг вернулся в зал. А к нашему столу уже не подступить — но когда пробился, увидел, что мое место рядом с Виктором Петровичем — свободно! Он его для меня держал. Разлили, выпили, шум поутих, и он заговорил:

— Я призываю вас дружить, призываю к тому, чтобы не было среди нас ни белых, ни красных. Вспоминайте почаще о том, что живем-то мы в одной стране — в России. Все хотим спастись. Вот и давайте — за то, чтобы с помощью Божьей, с помощью культуры спасти себя и страну свою. Благодарствую всем за то, что приехали! Знаю, что работаете вы все много и хорошо. Ну,

В. П. Астафьев на открытии Второй Всероссийской конференции «Литературные встречи в русской провинции». Первый слева — писатель Михаил Кураев. 1998 г.

помогай вам всем Бог в делах и творчестве! Будьте живы и здоровы все вы и все ваши близкие...

Не забыть и слова, сказанного Виктором Петровичем на освящении православной церкви Святителя Иннокентия, епископа Иркутского. Построена эта небольшая деревянная церковь во многом благодаря хлопотам Виктора Петровича. Вот что он говорил тогда, медленно и раздумчиво, словно не нам, а самому себе: «Справедливость в России хотя бы изредка, но торжествует. В годы самого страшного большевизма в нашей Овсянке церковь была закрыта. Простояла она до тридцать четвертого года пустая, а потом в ней была пекарня. В годы войны „благодарные трудящиеся“ растащили ее на дрова. И я уже не мечтал дожить до того времени, когда у нас в селе будет построена церковь... Хотел сказать, что, вот, мы вспомнили о Боге. Но скажу иначе: Господь вспомнил о нас, не надеясь на остатки нашего разума, на остатки нашей веры, ютившейся где-то на дне нашей души. Храм был построен буквально за три недели! Это, действительно, не без помощи Божьей. Я просто не знаю, какую благодарность вознести, но Господь им воздаст — людям, которые воздвигли этот храм... Теперь центр села оформился не только архитектурно, но и духовно. И, надеюсь, какое-то влияние, хотя бы незначительное, будет оказывать на наши души, на просветление разума, а значит, убавится зла, прибудет добра, чего всем и желаю. И радуюсь, что отпоют меня в этой церкви... Благодарствую всем! Всем кланяюсь до земли! Желаю доброго здоровья! И, прежде всего, духовного возрождения!»

3

Но была у меня и отдельная беседа с Виктором Петровичем. Конечно, не все вопросы я успел задать, но он не торопил меня, не подгонял. Первый мой вопрос был о Шукшине, Шукшинских чтениях и будет ли он на них (1999).

— Да, я давно не был у Шукшина. А там же недалеко, в Смоленском, Толя Соболев лежит — мой старый хороший приятель, замечательный человек. Мы обычно после выступлений на Пикете, после Шукшина, ездим к нему — к Толе Соболеву... Поехать бы, но тут для меня два препятствия. Очень жарко бывает в июле, а у меня легкие совсем уж слабые. Так что, если здоровье позволит, с удовольствием приеду на семидесятилетие Шукшина. Собирается нас здесь много ехать — целая шайка. В общем, как Мария, жена моя, говорит: «Надо дожить еще до этого». Даст Бог — доживем.

— Виктор Петрович, я знаю, что в Кытмановском районе нашего края живет Ваш фронтовой друг — Петр Герасимович Николаенко. Есть ли он в Ваших произведениях, как, например, Валега в «Окопах Сталинграда» Виктора Некрасова? Кстати, Валега тоже в нашем крае живет — в райцентре Бурла.

— Назвать конкретно не могу. Отдельные черточки с него есть. Я вообще не занимаюсь поисками прототипов в своих произведениях. Но

Петя Николаенко в моей жизни присутствует постоянно. Я люблю о нем рассказывать. Мы прошли с ним все: пехотный полк, автополк... Воевали вместе. Он в мою честь назвал своего старшего сына. Меня очень любит. С виду он грубоватый такой, хохлянистый, а на самом деле — нежнейшей души человек. В этом я имел возможность убедиться не раз. И, кроме того, Петр физически очень здоров, а я все-таки «пожиже» его, но зато обладаю детдомовской мимикрией — приспособлением к разным ситуациям. Мне не раз доводилось его защищать, потому что он прямолинейный очень: дураку говорит — дурак. А если дурак, например, в звании капитана?! Но для него и генерал, если дурак, то дурак, — он так и скажет. Обо мне (Виктор Петрович засмеялся) он говорит: «Вытя умный!» Он меня «Вытя» зовет. «Вытя книжки читает, он — умный человек!» Много у нас с ним на фронте всяких приключений было. Тут в двух словах не скажешь... Крестьянин он замечательный! Был председателем колхоза. И, самое главное, был механизатором! Работал председателем, но садились на трактор — единственный в их колхозе, а земли у них там много, и пахал! А потом пил. Приходил домой — падал и спал. Но, тем не менее, пятерых детей сделать успел. Четверо парней у него и одна девочка! Все живы, слава Богу. Знаю, у него и внуков много. А теперь уж и правнуки есть.

— Мне доводилось читать критические статьи, где Вас обвиняют в том, что Вы в некоторых своих произведениях позволили себе перешагнуть грани художественной эстетики — ввели мат. Что скажете о таких обвинениях?

— «Я сам себе — суд и судия», — сказал наш великий поэт. — Каждый писатель — творец своих законов, своей эстетики. Так предполагается, во всяком случае, если он, конечно, профессионал. Вот я и делаю то, что делаю. Не нравится — сам не делай так. А читатель у меня есть, его не убыло. Ну, те, кто воспитан на другом, пусть не читают. То, что я написал, не мог не написать. А уж кому нравится, не нравится... Меня все Тургеневым, например, Толстым упрекают. Про Тургенева не знаю, а насчет Толстого скажу: при такой жизни, при такой армии, при таких событиях он бы тоже матерился.

— Как Вы относитесь к тому, что русский народ всегда призывали и призывают к терпению?

— Ну, а что — бунт?! Что — резать друг друга?! Те, кого трудящиеся собираются резать и убивать, разбегутся-разъедутся тут же. И будут резать и убивать друг друга — как в гражданскую войну было: у того картошки больше выросло, у того баба толще, у этого сын поступил в университет, а моего в техникум не приняли... Причины убивать друг друга у нас всегда находили. Так что только терпение и спасает от этого... Вообще-то, такое терпение, как у нас, есть только у китайцев. Больше, кажется, таким свойством характера никакой другой народ не обладает. В Китае ведь тоже тяжелейшее положение было во время культурной революции. У меня гостил заместитель главнокомандующего китайской армией. И он мне кое-что порассказал. Выжил он на свинарнике, куда его сослали. Там свиньям морковь варили и прочее, а он вместе с ними ел... Китайцы много чего

стерпели. А сейчас, благодаря терпению да еще трудолюбию, восстанавливают свою жизнь. Вот и нам бы так-то надо — чтоб не только терпели, но и работали, не бегали от работы, не находили бы разные причины для этого...

Так мы говорили и могли бы говорить еще долго, но надо было дать такую редкую возможность и другим.

4

29 ноября 2001 года в шесть часов вечера — умер русский писатель Виктор Астафьев. Сразу после похорон Астафьева я поехал разыскивать его друга и однополчанина — Петра Герасимовича Николаенко. Деревня Червова всего в двух часах езды от Барнаула, но снег, бездорожье удлинители путь. И вот уже встречает меня хозяин, еще потрясенный недавней тяжелой утратой. Конечно, были бы силы, здоровье, деньги на билеты, рванул бы в Овсянку проститься со своим другом, но... Он вздыхает. Смотрим, перебираем книги Астафьева, фотоальбомы, фронтовые фотографии. Непросто было начинать разговор, но Петр Герасимович под стать своему только что ушедшему другу — человек сильный.

— Мы встретились впервые под Новосибирском, в городе Бердске, где нашего брата собирали для отправки на фронт. Тут я прошел курсы подготовки снайперов. К каждой маршевой роте прикрепляли по три-четыре снайпера. Так я попал в роту, в которой и познакомился с Виктором. Да не просто в роту, а в один взвод и в одно отделение. Познакомились сразу, а сошлись чуть позже... Нас там долго держали, все готовили, готовили... Как-то мы на складе перебирали картошку всем взводом. Я исхитрился и набрал много картофелин в карманы бушлата. Принес, а варить-то негде. Жили мы в землянках. Я тогда нанизал картофелины на проволоку и опустил все это в печную трубу. Картошка и сварилась. Или распарилась. Короче, можно кушать — все же не сырая. И ели мы ее вместе с Виктором. В этот-то раз и разговорились, познакомились ладом, сошлись. Он из детдома, оказалось, а я тоже побеспризорничал, хоть и мать моя была жива... Но там же, на Украине, голод был страшный в начале тридцатых годов. Так что хватил я лиха, как и все. В общем, поняли мы с Виктором друг друга сразу. И с этих самых пор всегда вместе держались. Ни кусочка хлеба поврозь не могли съесть, все пополам — и тут, и тем более на фронте.

Вскоре нас отправили на фронт. Мы ехали в теплушках суток пятнадцать. Прямо до Москвы. В Москве, помню, нас высадили, разместили где-то на запасных путях в этих же теплушках и выдали сухой паек в виде какой-то крупы. А готовить кашу негде. Я тут вот что придумал: высыпал эту крупу в котелок, плеснул туда воды и бегом к паровозу, а там сунул его на ломике в топку минут на пять-шесть, и каша готова. Так и пошло дело. Мы к паровозу всегда с Виктором бегали.

Под Москвой — примерно в трехстах километрах от нее случилось наше боевое крещение: наша дивизия встретила немцев и держала. Потом

мы прошли Брянские леса, Воронежское направление, Курско-Орловскую дугу... Ой, всего хватило! А сколько рек форсировали, ужас!

До его ранения в Польше мы всегда были вместе. Я — командир отделения связи, он — рядовой 93-й бригады 17-й дивизии. Задача связистов понятная — обеспечивать связь. В нашем дивизионе мы содержали ее на площади не менее четырнадцати километров. И все бегом, да под пулями и снарядами... Во время жестоких боев в одной из польских деревень мы также были с Виктором рядом. И вот он, смотрю, побежал с проводами — связь потащил, а его немецкий снайпер сразу же схватил. Я все это увидел. Мы в это время наступали. И, кстати, пехтура-то наша тот дом, из которого снайпера палили по нам, быстренько окружила и снайперов тех кого убили, а кого арестовали... Я, конечно, кинулся к Виктору — туда, где он, я видел, упал. А бой шурует всюду! Долго я полз до него. Стреляют же, кругом все взрывается... Нашел его и потащил к своим. Доволок до окопчика, а уж тут с ребятами положили на плащ-палатку и в санчасть отнесли. Там его недолго продержали — почти сразу в госпиталь отправили. Видно, ранение серьезное было...

Виктор Астафьев и Петр Николаенко.
1942 г. Из архива П. Николаенко

На фронте мы уже больше не виделись, а следующая наша встреча состоялась уже в сорок восьмом или в сорок девятом году. Мне пришло письмо от одного нашего общего фронтового друга Жоры Шаповалова. Он забыл, что я из Алтайского края, и адрес написал неточный: Новосибирская область, Кытмановский район, село Червоно. Но письмо как-то дошло до меня! Видно, почтовик попался умный... Так вот, Жора написал мне в том письме, что встречался с Астафьевым, и дал его адрес. Конечно, я написал Виктору — куда-то на Урал, но ответа не получил, потому что, как я потом узнал, он тогда переехал в Вологду. У него в те годы уже книги выходили. Так что первый раз с Астафьевым после войны, точнее после того его ранения, я встретился в Вологде. Трое суток вместе пробыли. Ой, трудно было расставаться, шибко трудно! Мы же друг для друга как братья родные!

А в 1994 году, на его семидесятилетии в Красноярске, мы встретились уже в последний раз. Хорошо повидались, поговорили. На торжественном обеде я сидел рядом с Раисой Максимовной Горбачевой. Она же наша — с Алтая. И с ней, и с Михаилом Сергеевичем хорошо пообщались. Я их все про перестройку расспрашивал, а они меня про жизнь в колхозе. Я, правда,

потом на Виктора ругался: говорю, что ж ты, мол, посадил меня, работягу, рядом с президентом, как мне с ним разговаривать? А он: да ниче, поговорили ж хорошо... После этого юбилея мы письма друг другу писали да по телефону разговаривали. Вот его последнее письмо мне, читаю: «Дорогой

В. П. Астафьев и П. Г. Николаенко во время встречи с однополчанами. 1994 г.

Из архива П. Николаенко

Петя! Я с апреля месяца болею. Инсульт, по-деревенски – паралич левой половины тела. Поэтому и не пишу ничего и никому. Восстановление обещают к весне. Пока перемогаясь. Слава Богу, что отпустили домой. Как твои дела? Как Клава? Как дети и внуки? Обнимаю тебя. Виктор. Поклон от Марьи. Сегодня 56 лет, как мы живем вместе. 27. 10. 2001».

5

Уже затемно я покинул Червово, увозя теплое ощущение, будто между нами двоими в этом разговоре незримо присутствовал Виктор Петрович. И как-то по-особому тревожно и горько перечитывались в тот день письма и открытки, присланные им в Червово, светилось его лицо с различных фотографий, всюду расставленных и разложенных в доме друга. Ощущение скоротечности последних дней прочитывалось в последних письмах Виктора Петровича к Петру Герасимовичу, но оно не было окрашено мрачным отчаянием или суетным желанием простого продления жизни. Он писал об этом в «Стержневом корне»: *«Жизнь идет, продолжается работа, может, хватит еще сил и моих земных сроков закончить главную книгу, главный труд, „завещанный от Бога“...»* Вспоминались тогда, вспоминаются и ныне строки Виктора Астафьева из романа «Прокляты и убиты», написанные им в Овсянке в 1989 году: *«Мне сон приснился: будто я мертвый. В какой-то склеп, в подвал ли, в яму ли вошел. Там, в белье иль в тлелых гимнастерках, друзей-окопников всех в сборе я нашел... На том собранье многолюдном, безголосом, среди друзей-соратников ложась, устало я вздохнул, меня не торопили. Подвинулись друзья, меня к себе пустив. Они не умерли, они отвоевались, и на том свете память, братство сохранив...»*